

Эти прошлые события Ци Цзюньму не вспоминал с тех пор, как снова очнулся. Он думал, что уже забыл их, но, глядя на прекрасную Вэнь Вань в своих объятиях, он обнаружил, что воспоминания о том году по-прежнему живы.

Вэнь Вань относилась к нему лишь с покорностью, и выражение ее лица было подобно жертвоприношению — без малейшего чувства.

Но ему больше не нужны были эти фальшивые чувства.

Он медленно отстранил человека от себя и заставил её встать в стороне. В изумленном и недоумевающем взгляде Вэнь Вань он медленно поднялся и тихо произнес:

— Императрица, что вы делаете?

Лицо Вэнь Вань мгновенно побледнело, все тело её задрожало, но она не сказала ни слова.

Ци Цзюньму продолжил:

— Сегодня императрица пожелала увидеть меня из-за семьи Вэнь?

Возможно, эти слова помогли ей прийти в себя. Она опустилась на колени и сказала:

— О случившемся в семье Вэнь я узнала из уст матери. Мать сама знает, что недостаточно строго воспитывала младшего брата, и наказание, которое ваше величество наложило на него, заслужено.

В прошлой жизни, когда Вэнь Чжо попал в беду, она вела себя точно так же высокомерно, а вскоре после этого преподнесла Ци Цзюньму гром среди ясного неба, изменив ему с другим.

— Раз это заслужено, то императрице в будущем не нужно ради семьи Вэнь делать подобные вещи, — равнодушно произнес Ци Цзюньму. — Я император, хозяин этой Поднебесной, а не человек, которого вы не желаете видеть, когда он вам не нужен, и к которому обращаетесь, когда хотите добиться прав для семьи Вэнь.

Он не мог возложить события прошлой жизни на нынешнюю Вэнь Вань, но он не хотел касаться её, поэтому мог лишь свести все произошедшее вечером на счет семьи Вэнь.

Ци Цзюньму ушел, сдерживая неудержимый гнев. Вэнь Вань окликнула его сзади, в голосе звучали тревога и обида, но Ци Цзюньму не сделал ни шагу. Дойдя до входа в дворец, он прикрикнул на подошедшего Жуань Цицина, приказав всем не следовать за ним, и даже не сел в императорскую паланкин, а ушел один.

Жуань Цицин на месте метался как угорелый, но мог лишь смотреть, как император с мрачным лицом удаляется.

Ци Цзюньму тоже не хотел возвращаться в чертог Цяньхуа, он чувствовал, что каждый уголок дворца давит на него, вызывая затрудненное дыхание.

Он стряхнул с себя толпу дворцовых служанок и евнухов и, бродя в одиночестве, дошел до искусственной горы в Императорском саду.

Пока его обдувал ночной ветер, пришел Шэнь Нянь.

— Ваше Величество, уже поздно, завтра вам нужно быть на утреннем приеме, позвольте мне

проводить вас обратно на отдых, — Шэнь Нянь не знал, о чем думает Ци Цзюньму, но по его выражению лица понимал, что ничего хорошего не происходит, так как император потерял самообладание.

Он довольно дорожил своей жизнью и не хотел знать слишком много секретов императора. Еще после одного порыва холодного ветра Шэнь Нянь не выдержал и заговорил.

Когда Шэнь Нянь заговорил, гнев Ци Цзюньму рассеялся, и он почувствовал, что здесь стало холодно.

Но вдруг услышав, как Шэнь Нянь так старается от него избавиться, словно он назойливая муха, которую все ненавидят, в сердце императора вдруг вспыхнуло упрямство.

Он косо посмотрел на Шэнь Няня и спросил:

— Что, Шэнь Цин считает, что у меня даже нет права решать, ходить ли на утренний прием? Я хочу здесь побыть подольше, разве это кому-то мешает?

Шэнь Нянь:

«...»

Он подумал: «Не знаю, с чего вдруг императору взбрело в голову сегодня. Видно, получил взбучку от своей жены, и теперь вымещает злость на мне, что, кажется, не совсем подходит».

Он подданный, а не вода для тушения пожара.

Затем он мысленно сплюнул несколько раз. Хотя такая мысль и была уместна, почему-то чувствовалось, что в этом есть что-то странное.

Поэтому он сказал:

— Ваше Величество, я не это имел в виду, и я не смею. Быть вашим слугой и разделять ваши заботы — это то, что должен делать подданный. Я просто боюсь, что вы здесь простудитесь, что вызовет бесполезные пересуды внутри и вне дворца, а вам еще придется пить те горькие лекарства. Если тело действительно пострадает от этого, мучиться придется все равно вам самому.

Эти слова утешения Шэнь Нянь говорил с истинным усердием, тон был и беспомощным, и снисходительным, словно отец уговаривает непослушного, капризного сына выпить лекарство.

Ци Цзюньму рассмеялся вслух от этой мысли. Сначала это была лишь легкая усмешка, а затем громкий смех.

Эта мысль, возможно, не была такой уж смешной, но он просто хотел рассмеяться.

За две жизни он никогда не смеялся так свободно и так дерзко.

Шэнь Нянь, глядя на императора в таком состоянии, на мгновение замер. Император всегда был спокойным, его слова и поступки были очень взвешенными, и даже когда он строил козни, он делал это открыто.

Он всегда четко разделял выгоды, и иногда Шэнь Нянь чувствовал, что император вообще не похож на нормального человека.

Но нынешний император был похож на ребенка, показывая такие живые выражения лица перед ним. Это было подобно тому, как самый прекрасный цветок на вершине самой высокой горы внезапно расцвел перед глазами, настолько красивым, что невозможно было отвести взгляд.

В этот момент Шэнь Нянь вдруг почувствовал, что императору немного жаль.

У него явно были свои радости и печали, но он мог лишь терпеть и не мог свободно выражать их.

За эти дни, проведенные во дворце, иногда сопровождая императора, он ни разу не видел, чтобы Ци Цзюньму ел горячую еду, так как после того, как Императорская кухня готовила пищу, нужно было проводить проверку на яд, и когда её приносили к императору, еда уже остывала и холодела.

Будучи императором, самым почетным человеком в Поднебесной, он иногда не мог даже съесть сытный обед, и если бы это сказал кто-то, никто бы не поверил.

Объективно говоря, еда, которую каждый раз Императорская кухня подносила Жуань Цзицину, была наиболее подходящей для человека.

Императору было не сравниться.

Ци Цзюньму весело смеялся некоторое время, затем медленно успокоился и легким тоном сказал:

— Шэнь Цин, проводите меня пешком обратно.

В этот момент Жуань Цзицин еще не знал, где находится, и Ци Цзюньму тоже не хотел утруждать себя и беспокоить толпу людей.

Раз император так приказал, Шэнь Нянь, естественно, не посмел не подчиниться.

Он сначала встал, затем очень естественно протянул руку, готовясь помочь императору подняться.

Только сделав это движение, Шэнь Нянь резко замер, поспешно убрал руку и с легким смущением на лице сказал:

— Ваше Величество, простите. На Северных рубежах я выучил правила вольно, на время забыл, что здесь дворец, а вы — император.

На Северных рубежах все сначала звали его молодым генералом и в сердце не очень признавали. Позже он сам вышел на поле битвы убивать врагов, заслуги были накоплены им самим по крупице.

Он был молод, и у него был отец Шэнь И, который поддерживал его, поэтому во многих случаях ему нужно было лишь хорошо воевать, не беспокоясь слишком сильно об остальном.

В те годы он привык есть вместе с солдатами, иногда все просто садились на землю, ели и иногда говорили всяческие грубости.

Но все соблюдали меру, в разговорах никогда не затрагивали двор, в лучшем случае обсуждали, кто женился, а когда возвращались, люди были такими черными, что жены не

узнавали и не пускали в постель и тому подобное.

Поспокойствовав немного, поев и напившись, вставали, затем протягивали руку, чтобы поднять человека с земли.

Друг с другом хлопали ладонями, плечами сталкивались, и снова наступал день, полный мужества.

Только что он неосознанно принял императора за солдата с Северных рубежей и только после того, как протянул руку, почувствовал неуместность.

Разве рука императора — это рука? Это драконья лапа, это священная рука. Если он коснется её, это будет нарушением приличия перед телом императора, на него наденут шапку «бесчинства перед государем» и подадут доклад на impeachment.

Ци Цзюньму взглянул на него:

— Я тоже человек.

Шэнь Нянь не знал, почему император вдруг сказал такую несвязную вещь, без начала и конца.

Возможно, он был немного неуклюж и не мог понять мысли императора, поэтому взгляд его становился все более искренним, когда он смотрел на императора.

Ци Цзюньму вздохнул, не говоря больше этих пустых слов с девятью поворотами и восемнадцатью изгибами, и прямо сказал:

— Прошу вас, Шэнь Цин, подать руку, моя нога немного затекла, и я не могу встать.

Шэнь Нянь действительно не думал об этом, он поспешно полуприсел и спросил:

— На какую ногу, ваше Величество, затекло?

— На левую, — хотя Ци Цзюньму не понимал, почему он так спрашивает, все же пробормотал ответ.

— Прошу простить за дерзость, — Шэнь Нянь говорил и положил руку на левую ногу Ци Цзюньму, растирая её сверху вниз. — Если встать с затекшей ногой, это не только неприятно, но иногда из-за отсутствия чувствительности можно упасть.

Вкус ходьбы с затекшей ногой можно описать как кислый и тяжелый, это чувство, которое невозможно точно описать словами.

Иногда это чувство кажется довольно ужасным, так как вообще не чувствуешь, может ли нога еще идти.

Конечно, при надавливании тоже бывает неприятно, но если метод правильный, восстановление идет очень быстро.

В тот момент, когда Шэнь Нянь положил руку на его ногу, тело Ци Цзюньму мгновенно напряглось.

Он не любил, когда люди подходили слишком близко, это заставляло его вспомнить о том, как

в прошлой жизни его задушили.

Он хотел открыть рот и приказать Шэнь Няню отойти, но сила нажатия в ту секунду заставила его замолчать.

Ощущение было слишком трудноописуемым, он боялся, что если станет отчитывать, то не добьется результата, а только потеряет лицо, поэтому и промолчал.

<http://bllate.org/book/16626/1522104>